

ФИЛОЛОГИЯ*(шифр научной специальности: 10.02.19)*

УДК 81

А.И. Акавова, Ю.У. Хочавова, Р.И. Исаева*Дагестанский государственный университет народного хозяйства**г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия*

redaction-el@mail.ru

**ЯЗЫК И ИДЕНТИЧНОСТЬ
В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ*****[Aida I. Akavova, Yulduz U. Khochavova, Rashia I. Isaeva******Language and identity in the era of globalization]***

The process of globalization created an era of "super-diversity" in which most societies have become more dynamic and complex. It is both an individual and a collective identity. The purpose of the research is to analyze the influence of globalization processes on identity commonness and language socialization. A distinctive feature of globalization is migration, where the intercultural contact takes place, in which cultural and linguistic repertoires almost never remain intact. According to researchers of the XXIst century, the process as "transnationalism" implies the prior existence of separate capable units: "identity, language and culture", which lead to the creation of especially new units: "multilingual" repertoire, "mixed" or "hybrid" identities. The concept of identity is complemented by the concept of "cultural identity", which refers to identification of groups, where the language "plays an important role" in the formation of individual identity and in the differences of one group from another.

Key words: culture, language, identity, migration, globalization, multiculturalism, transnationalism.

Открытие границ, устранение барьеров в торговле и создание экономических союзов – особенно в Европе – неизбежно привело к появлению более мобильной международной рабочей силы. Глобальное перемещение населения находится на рекордно высоком уровне, по современным оценкам в мире насчитывается 244 миллиона международных мигрантов (или 3,3% населения мира) [8]. Мультикультурализм основан на расовой основе отношений между большинством и меньшинством в каждой нации. «Интеркультурализм» основан на более широком взгляде на мир и может развиваться как новая позитивная модель, способствующая изменениям между регионами и нациями и признающая многовариантные отношения во всех аспектах разнообразия. Иными

словами, интеркультурализм, повествующий об эре глобализации и сверхразнообразия между людьми разного происхождения на рабочих местах, в школах и в окрестностях развивает прочные и позитивные отношения.

Интеркультурализм представляет собой более широкую программу изменений, в которой сообщества большинства и меньшинства считают себя динамичными и ориентированными на внешний мир, разделяющими общую цель – расти вместе и преодолевать институциональные и реляционные барьеры в этом процессе. Эта путаница между терминами проиллюстрирована Меером и Модудом (2012), которые справедливо видят подход европейского межкультурного диалога.

Реальность такова, что принимающие сообщества находятся в состоянии постоянного изменения, и тем более в период глобализации. Прибытие мигрантов – это только одна часть изменений, хотя зачастую наиболее заметная. В результате мигранты часто отождествляются с изменением и рассматриваются как причина, а не следствие лежащих в основе процессов глобализации, которые гораздо более распространены и неизбежны. Попытка «поймать рынок» культурных изменений, придерживаясь фиксированной концепции культуры, является довольно бесполезным занятием даже для группы большинства, поскольку некоторые сообщества становятся еще более изолированными от реального мира, и существует вероятность того, что перемены будут более неожиданными и сложными.

Одним из наиболее очевидных результатов глобализации является то, что население стало гораздо более мобильным, готовым и способным перемещаться в поисках лучшей перспективы трудоустройства и более высокого уровня жизни, или из-за других краткосрочных или долгосрочных соображений. В последнем двадцатилетии в новом контексте глобализации и миграционных движений каждая страна все больше состоит из людей разных культур, национальностей, вероисповеданий и этнического происхождения.

В процессе глобализации: мир более взаимосвязан, чем когда-либо прежде, и темпы изменений будут ускоряться по мере того, как политические, экономические и социальные связи становятся все более взаимозависимыми. Культура, вера, система ценностей и глобальные силы находятся в непрерывном взаимодействии, что приводит к реальному контексту глобализации, где *многоязычие* и *мультикультурализм* являются реальностью для многих людей, живущих за пределами своих национальных границ.

В результате миграции, являющейся, как мы определили выше, отличительной чертой глобализации, когда происходит межкультурный контакт, культурные и лингвистические репертуары почти не остаются нетронутыми. Л. Вэй и З. Хуа описывают этот процесс как «транснационализм...» [14]. Понятия «транс», «интер» и «кросс» предполагают априорное существование отдельных способных единиц (идентичность, язык и культура), и они предполагают, что встречая такие отделимые единицы, создаются особые новые единицы: «многоязычный» репертуар, «смешанные» или «гибридные» идентичности. Возможно, мы быстро начнем понимать, что почти все, что мы видим, слышим и наблюдаем глубоко «незакончено» и «нестабильно». Словарный запас неизбежно подводит нас, потому что мы начинаем видеть другой режим по умолчанию. Распространение культурных форм, «движущихся в разных масштабах: никогда не заканчивается...», всегда «под реконструкцией» и «шероховатый по краям», что считалось девиантным и исключительным, внезапно становится нормальным [2, с. 613].

«Создание идентичности», несмотря на язык как индикатор групп меньшинств и их идентичности, не связано с языком, когда обсуждается индивид, несмотря на широко подтвержденную роль языка в формировании идентичности (Блок. 2007; Эдвардс. 1985; Ле Пейдж и А.Т-Келлер. 1985). Понятие идентичности, используемое в единственном числе и относящееся к личной идентичности, дополняется понятием «культурная принадлежность», которое относится к отождествлению с группами. Группа не только может отличаться своими расовыми особенностями, типом одежды, которую носят ее члены, едой, которую они едят, домами, которые они строят, или тотемами, символикой, татуировками и особыми практиками группы, именно язык выделяет группы и таким образом «играет важную роль» в формировании индивидуальной идентичности и в отличиях одной группы от другой (С. Клокхар, С. Мемон, К. Сиддик).

В случае, когда группы говорят на разных языках – идентификация включает в себя лингвистическую компетентность как обязательное условие, которое может относиться как к нескольким принадлежностям одного человека, то есть к их отождествлению с несколькими группами, или к присутствию людей разных принадлежностей в одной среде. В результате анализа понятия межкультурного диалога с учетом способов, которыми много-

язычные говорящие участвуют в обсуждении идентичности через беседу, исследователями определены следующие критерии: – одни «неосознанно» позиционируют себя против или в соответствии с идеологией языка и идентичности в обществе (Б. Бейли [1, с. 257]; М. Ковен [8]), – другие договариваются о своей личности в отношении к «носителям языка» (А. Павленко [9, с. 317]; А. Пенникук [10, с. 74]), – третьи *создают новый гибрид формы идентичности*, который не вписывается ни в какие заранее определенные категории (Л. Вэй и З. Хуа [14]).

Д. Кристал в своем труде: «Языковая Смерть» вычислил, что существует приблизительно 6000 различных языков, на которых люди говорят в мире сегодня, половина из них исчезнет за следующие двадцать или тридцать лет [6]. Уже 95% населения в мире говорят на китайском, английском, хинди, испанском, русском языках. С положительной точки зрения можно смотреть на это развитие и видеть в нем новую возможность улучшения диалога между различными народами земли, где язык и идентичность в эпоху глобализации становится актуальной темой в современных исследованиях, но мы не должны забывать, что с этими языками исчезают традиции, мифы и знания других народов, и целый способ видеть, осознавать и создавать мир.

В эссе по использованию иностранных слов, написанных Т. Адорно, автор отмечает, что естественность нашего собственного языка «создает иллюзия, которая, в сказанном, эквивалентна тому, что предназначается» [4]. Разве потребность не состоит в том, чтобы иметь возможность размышлять над тем, что мы действительно имеем в виду, когда мы используем тот знакомый или незнакомый нам термин «слова»? Нам действительно сложно понять друг друга, пока мы не прошли медленный и болезненный опыт рассматривать идентичность как размещенную в основном в индивидуальном сознании, где каждый язык отражает особенности нации [12] и возможная связь между идентичностью и использованием языка для языка отражает внутреннее состояние человека. Хотя исследователи языкового использования отдельных людей показали, что единственный способ, которым такие самооценки входят в социальный мир, является некой формой дискурса, которая послужила в исследовании основанием для анализа позиций языка и идентичности. Так как новые *гибридные формы с чертами глобализации и «суперразнообразия»*, которые возникают в зонах соприкосновения между

различными единицами, в то время как сами единицы остаются онтологически нетронутыми и все еще могут быть определены в единичных терминах, которые ведут к новым формам конструирования идентичности, возникающим в семиотической практике, с отметкой «гибридности».

Личности мобилизуют свои лингвистические ресурсы с целью создания отношений и значений посредством смешения языков или изобретения новых форм. Следовательно, «идентичность в эпоху глобализации – это социальная идентичность, созданная посредством межъязыкового общения. Процесс создания современной идентичности – это процесс языковой социализации. Согласно Я. Бломмарту (2013), транснациональная структура требует сдвига в сторону сложности, а не многоязычие. Последнее по-прежнему несет понятие отдельных единиц языка, культуры и идентичности, так как переключение кода подразумевает существование двух различных кодов. Иными словами, автор предполагает, что не существует такого понятия, как «чистый» код, как языковой контакт. Лингвистический репертуар многоязычия вызывает изменения внутри каждого языка – переопределённый как «единица» – т.е. он сам.

Исследования Вэй и Хуа чувства принадлежности к группе и признание в качестве члена группы на основе общего понимания и использования средств коммуникации группы, а иными словами, согласования идентичности в процессе социализации, существующий во всех социальных группах (например, семья, этническая группа, нация, религия, профессия, политическая партия, частный клуб и т.д.) отличается от других работ тем, что авторы привлекают внимание к процессу согласования идентичности (который не обязательно проблематичен) [14]. К тому, что люди делают каждый день, во всяком случае, в погоне за дружелюбием в контексте, который является по сути мультикультурным [2], в перспективе способствует рассмотрению разнообразия как нормальной реальности, а не исключительного контекста.

В последние годы было создано около 20 стран, что отчасти связано с распадом ранее построенных федераций на Балканах и в Восточной Европе. В настоящее время в Европе существует около 20 сепаратистских движений, причем наиболее заметными являются Шотландия и Каталония. Исследователь Сен утверждает, что конфликт и насилие поддерживаются сегодня, равно как и в прошлом, иллюзией уникальной идентичности [13]. Эту точку зрения разделяет Г. Янг [15].

В то время как люди используют язык для передачи сообщений, они используют его, чтобы идентифицировать других, классифицировать и судить людей, сблизиться при их сходстве и/или дистанцироваться при различиях. По-видимому, язык и дискурс имеют решающее значение для построения и обсуждения идентичностей. Двадцать лет размышлений и споров об идентичности и языке привели к появлению новых парадигм.

В более поздней работе М. Кастельс (2006) опирается на исследование Норриса, который проанализировал обзор ценностей, чтобы показать, что региональная и местная идентичность превосходит национальную лояльность [5, с. 56]. Норрис подсчитал, что для всего мира 13% респондентов считают себя в первую очередь «гражданами мира», 38% ставят свои национальные государства на первое место, а остальные (самая большая группа) ставят на первое место местные или региональные идентичности. Ничто из этого не предполагает, что национальная идентичность может или должна быть преуменьшена. Однако реальность такова, что национальные и космополитические идентичности теперь находятся рядом друг с другом – они не противостоят друг другу, то что мультикультурализм никогда не признавал.

Идентичность мультикультурализма отличается от своей ранней формы и влияния на личную и коллективную идентичность. Хотя очевидно, что большинство людей в настоящее время подвергаются разнообразию во всех аспектах их повседневной жизни – либо в местных общинах, в школах и на рабочих местах, либо косвенно через телевидение, социальные сети и другие средства массовой информации – представляется, чем-то вроде «парадокса разнообразия» [4, с. 888]. Чем разнообразнее становилось общество и чем больше людей подвергалось различиям, тем больше они отступали в свою собственную идентичность, принимая политику идентичности и поддерживая сепаратистские идеологии. Отчасти это может быть связано с отсутствием реального взаимодействия с разногласиями, довольно осторожным отрывом, который заставляет держаться за уверенность собственного сообщества. Р. Патнэм поддерживает эту точку зрения. Автор утверждает, что «иммиграция и этническое разнообразие бросают вызов социальной солидарности» ... [12]. Тем не менее, в той же работе он предположил, что в среднесрочной и долгосрочной перспективе: успешные иммигрантские общества создадут новые формы социальной солидарности и ослабят негативные последствия раз-

нообразия, создавая новые, всеобъемлющие идентичности. Как указывает А. Брах [3], идентичность – это процесс, а не фиксированная категория, хотя именно так ее нередко рассматривали в прошлом.

Идентичность становится все более сложной с переносом таких слов: «национальность», «вероисповедание», «язык» и «этническая принадлежность». Следствие того, что люди из разных групп идентичности имеют одно и то же общество, также привело к росту «смешанной расы» или множественной идентичности в период глобализации. Постановка некоторых из этих вопросов привлекает внимание теоретиков к всестороннему и глубокому изучению комплекса вопросов, относящихся к данной проблеме.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Bailey B.* Heteroglossia and boundaries. In M. Heller (Ed.): *Bilingualism: a social approach*, Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2007.
2. *Blommaert J.* Complexity, Accent, and Conviviality: Concluding Comments. *Applied Linguistics*, 2013. 34(5). URL: <https://doi.org/10.1093/applin/amt028>.
3. *Brah A.* Non-binarized identities of similarity and difference, Wetherell M., Lafleche M. and Berkeley R. (eds), *Identity, ethnic diversity and community cohesion*, Sage, London, 2007.
4. *Cantle T.* The far right: rumours about their death are premature, *Parliamentary Affairs*, 2011.
5. *Castells M.* Globalization and identity: a comparative perspective, *Transfer, Journal of Contemporary Culture*, 2006.
6. *Crystal D.* *Language Death*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. Digital resource, URL: <https://doi.org/10.1177/13670069010050030401>.
7. International Organization for Migration (IOM), 2019. Digital Resource, URL: <https://www.iom.int/wmr/chapter-7>
8. *Koven M.* Two Languages in the Self / The Self in Two Languages: French-Portuguese Bilinguals' Verbal Enactments and Experiences of Self in Narrative, 1998. URL: <http://www.jstor.org/stable/640663>.

9. *Pavlenko A.* In the World of the Tradition, I Was Unimagined': Negotiation of Identities in Cross-Cultural Autobiographies. *International Journal of Bilingualism*, 2001. 5(3).
10. *Pennycook A.* Language and mobility: unexpected places. *Resourceful Speakers*, Bristol Multilingual Matters., 2012.
11. *Petrova Y.A.* Ethnography of communication // Humanitarian and socio-economic sciences. 2016. No 2.
12. *Putnam R.D.* Bowling alone: the collapse and revival of American community, Simon & Schuster, New York, 2000.
13. *Sen A.* Identity and violence: the illusion of destiny, W.W. Norton, New York, 2006.
14. *Wei L. & Hua Z.* Translanguaging Identities and Ideologies: Creating Transnational Space Through Flexible Multilingual Practices Amongst Chinese University Students in the UK. *Applied Linguistics*, 2013. 34(5). URL: <https://doi.org/10.1093/applin/amt022>.
15. *Younge G.* Who are we – And should it matter in the 21st century? Viking, Glasgow, 2010.

R E F E R E N C E S

1. *Bailey B.* Heteroglossia and boundaries. In M. Heller (Ed.): *Bilingualism: a social approach*, Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2007.
2. *Blommaert J.* Complexity, Accent, and Conviviality: Concluding Comments. *Applied Linguistics*, 2013. 34(5). URL: <https://doi.org/10.1093/applin/amt028>.
3. *Brah A.* Non-binarized identities of similarity and difference, Wetherell M., Lafleche M. and Berkeley R. (eds), *Identity, ethnic diversity and community cohesion*, Sage, London, 2007.
4. *Cantle T.* The far right: rumours about their death are premature, *Parliamentary Affairs*, 2011.
5. *Castells M.* Globalization and identity: a comparative perspective, *Transfer, Journal of Contemporary Culture*, 2006.

6. *Crystal D.* Language Death. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. Digital resource, URL: <https://doi.org/10.1177/13670069010050030401>.
7. International Organization for Migration (IOM), 2019. Digital Resource, URL: <https://www.iom.int/wmr/chapter-7>
8. *Koven M.* Two Languages in the Self / The Self in Two Languages: French-Portuguese Bilinguals' Verbal Enactments and Experiences of Self in Narrative, 1998. URL: <http://www.jstor.org/stable/640663>.
9. *Pavlenko A.* In the World of the Tradition, I Was Unimagined': Negotiation of Identities in Cross-Cultural Autobiographies. *International Journal of Bilingualism*, 2001. 5(3).
10. *Pennycook A.* Language and mobility: unexpected places. *Resourceful Speakers*, Bristol Multilingual Matters., 2012.
11. *Petrova Y.A.* Ethnography of communication // Humanitarian and socio-economic sciences. 2016. No 2.
12. *Putnam R.D.* Bowling alone: the collapse and revival of American community, Simon & Schuster, New York, 2000.
13. *Sen A.* Identity and violence: the illusion of destiny, W.W. Norton, New York, 2006.
14. *Wei L. & Hua Z.* Translanguaging Identities and Ideologies: Creating Transnational Space Through Flexible Multilingual Practices Amongst Chinese University Students in the UK. *Applied Linguistics*, 2013. 34(5). URL: <https://doi.org/10.1093/applin/amt022>.
15. *Younge G.* Who are we – And should it matter in the 21st century? Viking, Glasgow, 2010.

29 июня 2019 г.
